

Фронт под крышами

Не каждый взрослый сможет отдать свою жизнь в критический момент. А тут подростки, дети... Оказавшись на оккупированной территории, многие из них стали подпольщиками, рисковали каждый день. Передать нужную информацию в партизанский отряд, раздобыть горсть медикаментов, растиражировать хотя бы раз сообщение Совинформбюро, стащить у немца пистолет — это уже подвиг. Что двигало юными патриотами? Ненависть к захватчикам, желание отомстить за погибших родных, друзей, за поруганную землю.

Когда началась война, Анатолию Непокойчицкому было 13 лет. Отец его трагически погиб в 1938 году, мама, Станислава Доминиковна, работала фармацевтом в 1-й могилевской аптеке. Фронт подходил к Могилеву, наступило тревожное время. Станислава Доминиковна по заданию местной власти организовала медпункт на базе аптеки, там оказывали помощь беженцам из западных областей. В небе над городом все чаще стали появляться фашистские самолеты.

— 21 июля к нам домой пришла моя тетя и рассказала, что видела страшный сон, — вспоминает Анатолий Непокойчицкий. — Будто бы на небе стоит карета. На месте кучера сидит ее умерший муж. Он посадил жену, сына, дочь, и все они уехали. Сон разгадывали, но что бы он значил — не пришли к единому мнению. Тетя Даша ушла домой (она с бабушкой жила недалеко от нас), а мама — на работу. Потом и я пошел к бабушке, там мы с моим двоюродным братом играли в саду. В середине дня появились три немецких самолета, сбросили бомбы. Одна из них попала в бабушкин дом, вторая — в сад. Тетя Даша в доме и ее сын в саду были убиты. Была ранена и дочь тети Даши, через сутки она умерла в больнице... Туда попал и я — в меня угодили 12 осколков от бомбы. Десять из них врачи извлекли, два и по сей день — в моем теле.

Немцы рвались в Могилев. Однажды в больницу привезли на танкетке раненого. И немецкие летчики, заметив, видимо, боевую машину, нанесли по больнице бомбовый удар. Раненые, кто на костылях, кто ползком, пробирались к выходу. Толя вместе с дежурившей у его койки мамой еле выбрались оттуда и побрели к своему дому близ Дома правительства у речки Дебря. Прятались от бомбежек в вырытом на краю оврага окопе...

А на следующий день Непокойчицкие увидели на другой стороне оврага немцев. Они бежали друг за другом с автоматами, гранатами. Рукава их рубашек были закатаны, головы не прикрыты. Если б не оружие, можно было подумать, что идут спортивные соревнования. Израненный Толя тогда зло, по-мальчишески, подумал: «Вот бы полоснуть по ним из пулемета». Это были враги, захватчики, убийцы.

На оккупированной территории надо было как-то выживать, и Станислава Доминиковна определила Толю учеником к часовому мастеру. Он научился ремонтировать часы — это приносило какой-то доход. Ну, а свободное время паренек проводил с друзьями. У пацанов была своя «программа» — вредить захватчикам, как и где только можно. К Станиславе Доминиковне приходили люди «из леса», забирали медикаменты и перевязочные материалы для партизан. Эту тайну она доверила и Толе. Он стал связным 113 партизанского полка, базировавшегося в белыничских лесах. Причастность к этой военной тайне делала паренька в собственных глазах

старше и опытнее своих товарищей. Он реально помогал подпольщикам в борьбе против врага!

Мальчишки часто бывали в здании Дома правительства — он пустовал, поскольку не был достроен перед войной. Однажды в восточной части дома, где был еще какой-то порядок, расположилась немецкая артиллерийская часть, прибывшая с фронта на отдых. Когда она выехала, в одной из комнат Толя обнаружил несколько ящиков патронов. Часть их была разбросана — немцы поленились их собрать. Упустить такую находку юный подпольщик не мог. Понемногу перетаскивал патроны домой, укладывал их, оборачивая тряпками, в большой чугунок и закапывал в саду. Потом патроны переправлялись в партизанский отряд. Не все проходило гладко. Когда Толя в очередной раз пришел в Дом правительства за патронами, набрал их в карманы и пошел к выходу... в конце коридора показался немец! С криком «хальт» он побежал к пареньку, расстегивая кобуру. Толя рванул к лестнице и впопыхах ее проскочил. Впереди — тупик, коридор заканчивался. Ничего не оставалось, как прыгнуть в окно со второго (достаточно высокого) этажа. Благо удачно приземлился в кучу строительного мусора. А немец ринулся вниз по лестнице... В подвале Дома правительства Толя как-то нашел и поломанный автомат ППШ — он тоже был отправлен в лес.

Из аптеки, где работала Станислава Доминиковна, паренек выносил различные медикаменты. Марля там хранилась в больших рулонах шириной чуть меньше метра.

— Я ходил вокруг бухты, накручивая с маминой помощью на себя марлю, — рассказывает Анатолий Непокойчицкий. — Потом надевал длинную куртку и шел домой. Там мы марлю резали и потом отправляли с партизанскими связными в отряд...

Когда боеприпасы, медикаменты накапливались, приходилось присоединяться к связному и Толе. Ехали на велосипедах — было очень опасно. Они знали, где по дороге в Бельничичи стоят немецкие посты, и объезжали их. Но как-то, проезжая деревню, наткнулись на патруль немцев с полицией. У Толи был аусвайс рабочего, а у его товарища — справка, что он психически больной. С виду тот действительно походил на сумасшедшего. Волосы на голове были сбриты, одежда и обувь потрепаны. Толя объяснил патрульным, что сумасшедший опасен для окружающих и он ведет его домой. Немец — поверил, крикнул «раус» (вон), и «путешественники» поехали дальше. А потом долго не могли отойти от стресса. Ведь если бы их обыскали и обнаружили спрятанное — расстреляли б на месте.

— Всякие переделки случались, — говорит Анатолий Непокойчицкий. — В один из летних дней мы вновь с грузом медикаментов и патронов двинулись в сторону Бельничич. Добрались до условного места на берегу Друти. Там нас ждали секретарь Могилевского подпольного райкома партии Иван Станкевич и командир 113-го партизанского отряда Константин Белоусов. И вдруг — минометный обстрел. В деревне неподалеку появились немцы, и им, видимо, донесли, что у реки есть партизаны. Мы залегли, один из снарядов разорвался почти рядом с нами. Поняв, что нас может накрыть минами, мы вскочили с земли и кинулись бежать. И вдруг я почувствовал боль и что-то мокрое в ботинке. В безопасном месте осмотрел ногу — в нее попал осколок. Мне перевязали рану оторванным от майки лоскутом, в лагере ее обработали, перебинтовали ногу... И через сутки я поехал на велосипеде в Могилев. Дома сказал, что порезался, когда купался в реке.

...Бывало, мальчишки меняли у немцев яйца на сигареты и прочую мелочовку. В одном из домов на улице Пионерской размещалась какая-то военная «контора». У входа стоял часовой. Пацаны показывали ему свой товар, и он их пропускал. Ребята стучались в комнаты, предлагали яйца. В помещении было, как правило, 2 стола, а на стены офицеры вешали на гвозди ремни с кобурами, чтобы не мешали работать. Педантичные немцы уходили на обед строго по времени. И Толя однажды этим

воспользовался. Прошел пост, походил по коридору, никого нет... Зашел в комнату. Вынул из кобур пистолеты, подложил их в корзину под продукты и пошел на выход. Дал 4 яйца часовому и был таков. Под вечер в городе, особенно в центре, была облава за облавой. Толя недели две не выходил из дому. Добытое оружие тоже было передано в отряд. Видимо, рискованный, отчаянный характер достался парнишке в наследство от отца — бывшего офицера царской армии, награжденного в Первую мировую тремя Георгиевскими крестами...

Периодически подпольщикам доставляли из партизанского отряда напечатанные на тонкой папиросной бумаге листовки со сводками Совинформбюро. Их Толя незаметно распространял на базаре, везде, где собирался народ. Люди, хоть это было и опасно, забирали листовки с собой. Всем хотелось знать, что делается на фронте, как сражается Красная Армия. Однажды Непокойчицким из отряда принесли крупную сумму немецких денег, надо было купить на базаре 2 кожаные куртки. Их носили партизанские командиры — такая была традиция. Толя с молодым курьером из отряда пошел на Быховский рынок, а на Ленинской улице — облава! Связной был без документов, с пистолетом за пазухой. Ребята побежали в подъезд одного из домов, кинулись на второй этаж... Путь на чердак был закрыт дверью с большим черным замком. Ничего не оставалось, как лечь на лестничную площадку, курьер вынул пистолет... Немец, топая подкованными сапогами, поднимался по лестнице, увидел снизу замок и — сбежал вниз. Пронесло!

В мае 1943-го Анатолию и еще одному подпольщику Петру Турину было поручено составить карту дислокации немецких войск в Могилеве и его окрестностях. Парнишка проникал в расположение немецких частей под все тем же предлогом — обменивать яйца на сигареты, шнапс, продукты... Подпольщикам удалось установить места, где находились 2 генеральских штаба. На карту были также нанесены радио-узел и прилегающие к нему немецкие подразделения, схема линии электроснабжения железнодорожного узла от ТЭЦ завода искусственного волокна, гарнизоны в районах деревень Ямница и Пашково. В конце мая в Могилев прибыла крупная воинская часть, разместившаяся на территории от улицы Буденного до Пожарного переулочка. Об этом подпольщики незамедлительно сообщили партизанам. Вскоре Анатолия предупредили, что будет бомбежка. Перед ней в дом Непокойчицких должны постучаться 2 человека и назвать пароль. Им следовало указать место, откуда лучше всего обозначить ракетами зону скопления вражеской техники. Анатолий провел их в один из дворов на Пионерской. Ночью 28 мая пикирующие бомбардировщики Пе-2 нанесли бомбовый удар по скоплениям немецких войск в Могилеве. Полностью были уничтожены все эшелоны, находившиеся на железнодорожном узле, почти все грузовики и другая техника в районе Ленинской, разрушен генеральский штаб. По информации Совинформбюро, в результате этого налета было убито около 4 тысяч фашистов. К сожалению, пострадало и мирное население, войны без жертв не бывает...

Красная армия наступала, в городе участились облавы молодежи для отправки на работы в Германию. Станислава Доминиковна боялась, что и Анатолия могут схватить. Семья его друга Севы Красницкого, тоже опасаясь, что их мальчика увезут фашисты, уехала в город Новый Борисов. Оттуда Сева сообщил, что работает у немца, который организовал работы по подрыву пней хвойных деревьев для производства древесного угля, скипидара, канифоли... И что может устроить туда Анатолия.

А в Могилеве Непокойчицким оставаться было уже опасно. Фашисты зверели. Участились случаи гибели связных и подпольщиков. Было 2 варианта — либо уйти в партизаны, либо уехать в Новый Борисов. Руководство отряда заинтересовалось предложением Севы насчет немца-подрывника — партизаны нуждались во

взрывчатке. И Анатолий устроился в бригаду, где работал его друг. Взрывчатка «Донорит» представляла собой небольшую трубочку с белым порошком, куда вставлялся взрыватель. Несколько таких трубочек можно было «сэкономить» (количество выделяемой взрывчатки зависело от величины пня) и незаметно вынести. Первую партию «Донорита» доставила в Могилев (оттуда взрывчатку переправляли в партизанский отряд) Станислава Доминиковна. Несколько поездок с «трубками» на дне фанерного чемодана совершил и Анатолий. Взрывчатку они упаковывали под несколькими кусками сала, сверху наваливали одежду. Расчет был на то, что если при досмотре начнут перетряхивать чемодан, можно угостить немцев салом — они его очень уважали. К счастью, до полного «шмона» пожитков «мирных обывателей» не доходило...

После освобождения Беларуси семнадцатилетний Анатолий Непокойчицкий ушел в Красную Армию. В запасном полку его подготовили как командира расчета станкового пулемета.

— Мы прибыли в Восточную Пруссию, фронт продвигался к Кенигсбергу, — вспоминает он. — Нас разместили в районе Мазурских озер, во втором эшелоне. Первый воевал, мы находились в резерве, время от времени выполняя боевые задания. Многое пришлось пережить... Однажды в наступление были брошены несколько батальонов солдат 1927 года рождения. В живых остались единицы. Убитых на поле боя наш полк собирал и укладывал в штабеля... Потом подправляли старые траншеи, в которые и закапывали погибших ребят. Страшнее картины я в жизни не видел! После больших потерь солдат 1927 года рождения запретили вводить в бой. Нас перевозили с места на место, но в атаки мы больше не ходили.

Анатолий Непокойчицкий прослужил в армии до 1951 года, демобилизовался по состоянию здоровья. За участие в партизанском движении и воинскую доблесть удостоен ордена Отечественной войны, медалей «Партизану Отечественной войны» I степени и «За победу над Германией». Вернувшись после армейской службы в Могилев, он окончил школу рабочей молодежи, поступил на физмат пединститута. А потом связал свою жизнь с наукой, защитил кандидатскую диссертацию, был проректором могилевской «машинки». Затем Анатолий Григорьевич перешел в могилевский филиал Института физики АН БССР, стал доктором физико-математических наук, профессором. Занимался исследованиями в области спектроскопии, разработал оригинальные методы формирования металлических покрытий на ферритах и керамике под действием низкотемпературной плазмы и лазерного излучения. Результаты его исследований нашли применение в высокоточном приборостроении, использовались в радиотехнике, электронике, в создании новой техники, в том числе и специальной.

Успехов в науке Анатолий Непокойчицкий достиг благодаря пытливости ума, разнообразию интересов, настойчивости в достижении цели. С детства его учили преодолевать трудности, и это пригодилось ему как в военные годы, так и в научной деятельности. Главное, говорит ветеран, чтобы в любой, даже самой трудной и тяжелой ситуации человек оставался человеком. Этому принципу он следует всю жизнь.